

*Инна
Баринская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц
Любимая игрушка Создателя
Небьющееся сердце

Сериал «Детективный триумvirат»

Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно
Потревоженный демон
Стекланные куклы
Пепел сердца
Ночь сурка

Сериал «Дикие лебеди»

Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощенья врага
Знак с той стороны
Браслет с Буддой

Сериал «Королевская охота»

Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»

Ошибка бога времени
Маятник судьбы
Конец земной истории
Тринадцать ведьм
Мадам Осень
Яд персидской сирени
Девушка с синей луны
Без прощального письма

*Инна
Баринская*

Без прощального
письма

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Разработка серийного оформления А. Саукова

Редактор серии А. Антонова

Иллюстрация на обложке Филиппа Барбышева

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Без прощального письма : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-102653-0

Когда-то мама Илоны сбежала из дома с цыганом. Чтобы утешить девочку, бабушка рассказывала сказку о феях, живущих на чердаке их старого дома и защищающих ее от всех напастей. Но бабушка умерла, Илона выросла и знает, что фей не существует, а значит, некому спасти ее от невзгод. А неприятностей в ее жизни предостаточно: ужасной грозовой ночью таинственно исчез жених Владик, в тот же день кто-то выкрал архивные материалы из музея, где она работает, из дома была похищена фамильная реликвия — акварельный автопортрет прабабушки Елены. И в довершение всех бед Илона обнаружила в собственной гостиной труп неизвестного мужчины...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бачинская И.Ю., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102653-0

ке показывали три. Звук из глубины квартиры заставил ее вздрогнуть. Женщина сняла очки и села в кровати, напряженно прислушиваясь. Звук не повторился, и она стала вспоминать, закрыла ли окна в гостиной. Хорошему грабителю третий этаж не проблема. Кажется, закрыла. Сон ушел окончательно, теперь не уснуть. Она поднялась с кровати, набросила халат и вышла из спальни, не зная хорошенько, что собирается делать – то ли пить чай, то ли включить телевизор. Одно она знала совершенно точно – заснуть ей уже не удастся.

Внимание Елены Владиславовны привлекла полоска света из-под двери кабинета профессора, ее брата. Озадаченная, она остановилась перед дверью, вспоминая, когда заходила в кабинет в последний раз. Получалось, три дня назад – полить цветы и смахнуть пыль. Было это днем, и свет она не включала. Елена Владиславовна нажала на ручку и толкнула дверь. На письменном столе горела лампа под зеленым абажуром, кабинет был погружен в неяркий зеленоватый сумрак и напоминал аквариум. Старая дама увидела, что ящики стола выдвинуты и какие-то бумаги разлетелись по полу. Изумленная, не веря глазам и не понимая, что происходит, она шагнула к столу...

...Профессор Игорь Владиславович Лещинский расплатился с таксистом и неторопливо направился к парадному, таща за собой чемодан на колесиках. Он был занят мыслями о статье, которую задумал во время семинара, и с приятностью предвкушал, как примет душ, наденет просторную домашнюю куртку и усядется за письменный стол. Скажет Леночке, что собирается поработать, а посему его ни для кого нет дома. Леночка сварит ему чашечку кофе, выключит домашний и мобильные телефоны и будет неслышно

Без прощального письма

возиться где-то там, на кухне, с котлетами и овощным супом. Ресторанная еда надоела до чертиков! Он достанет из портфеля наброски статьи, разложит на столе и погрузится в работу. А потом они будут ужинать, выпьют бутылочку «Мерло», и он расскажет Леночке о семинаре.

Уже в который раз профессор подумал, что самое прекрасное в жизни человека – возвращение домой. Леночка удивится, ведь он вернулся на день раньше, чем планировал. Сюрприз. Правда, сюрприз стихийный, так как профессор звонил несколько раз, чтобы сообщить о приезде, но Леночка не ответила – видимо, выходила и снова забыла взять с собой мобильный телефон. Потому получится сюрприз.

Лифт не работал, и это было неудивительно, потому что дом был старый и лифт тоже был старый. Профессор, как правило, поднимался на третий этаж пешком, поскольку не мог заставить себя войти в крошечную, со сложными запахами, клетку, от которой у него развивалась клаустрофобия. Сейчас, правда, Игорь Владиславович был готов пренебречь своими страхами из-за чемодана, но лифт не работал, и выбора иного, чем подняться пешком, у него не оставалось. Слегка запыхавшись, он добрался до дверей своей квартиры и нажал на кнопку звонка. Ничего не произошло. Профессор подождал с минуту и нажал снова. С тем же результатом – ему не открыли.

Недоуменный Игорь Владиславович стал рыться в карманах, подозревая, что ключа там может не оказаться. И оказался прав – ключа действительно не нашлось. Профессор еще раз надавил на кнопку звонка, раздумывая, куда могла пойти Леночка в это время дня, а потом с некоторой досадой дернул за дверную ручку и с удивлением обнаружил,

что дверь не заперта. Он вошел в темную прихожую, постоял немного, вспоминая, где включается свет.

Дом встретил его тишиной и покоем. Профессор оставил чемодан в прихожей и поспешил с портфелем в свой кабинет. К его удивлению, на столе горела настольная лампа, и бросался в глаза непривычный беспорядок: выдвинутые ящики стола, разбросанные по полу исписанные листы бумаги, книги, каким-то образом упавшие со стеллажей.

Игорь Владиславович стал на пороге как вкопанный, не понимая, что бы это могло означать. Он сделал шаг вперед и снова застыл, увидев неподвижно лежавшую на ковре сестру, Елену Владиславовну, в темно-красном атласном халате, из-под которого виднелась белая ночная сорочка.

– Леночка! – позвал профессор. – Что случилось? Тебе плохо?

Он присел на корточки у тела сестры, взял ее руку и тут же выпустил – рука была ледяной...

...Никаких следов насильственной смерти на теле старой дамы обнаружено не было. По версии следствия, Елена Владиславовна Лещинская, семидесяти трех лет, скончалась от инфаркта, застав в кабинете брата грабителей. По утверждению профессора, Игоря Владиславовича Лещинского, из квартиры ничего не пропало, кроме компьютера и материалов для будущих монографий профессора, как рукописных, так и хранившихся в компьютере, на компактах и флешках. Собственно, ничего ценного, кроме книг, пары картин местных художников и старинной посуды, доставшейся от бабки, у них с сестрой никогда и не было.

Судя по тому, что беспорядок, свидетельствующий об обыске, имел место только в кабинете, старая дама спуг-

Без прощального письма

нула грабителей, и они в спешке покинули квартиру, прихватив с собой архив, компьютер и бронзовую статуэтку с письменного стола – Будду в высокой остроконечной тиаре, инкрустированной сферическими кусочками бирюзы, необычную и очень старую – лет трехста. Профессор раскопал Будду на блошином рынке в Таиланде и очень любил. Из совокупности этих обстоятельств был сделан вывод – грабители в квартире побывали начинающие, а не профи.

Профессор более всего сокрушался о пропаже ценных материалов: архива, электронной переписки, адресов, закладок и необходимости все восстанавливать заново. Был он растерян, отвечал на вопросы не сразу и невпопад и все повторял, что не знает, не в курсе, понятия не имеет, так как всем в их доме заведовала Леночка, и как же теперь он без Леночки. Кроме того, нужен новый компьютер, а где его покупают – бог весть. И растерянно смотрел на оперативников беспомощными близорукими глазами...

...По заключению криминалистов, дверной замок был вскрыт отмычкой. Грабители влезли в квартиру позапрошлой ночью, между двумя и тремя часами, поскольку к моменту прибытия полиции Елена Владиславовна была мертва около тридцати шести часов. Соседи ничего не видели и не слышали, накануне никакие подозрительные личности не крутились поблизости, не выспрашивали и не сидели в за-саде с биноклем.

Ничего. Зеро. Пусто.

Почему ночью, а не днем, как делают все нормальные грабители? Видимо, по той простой причине, что Елена Владиславовна в основном находилась дома, а если выходила за покупками, то ненадолго и не каждый день...

Глава 1

Илона

В тайниках сознания
Травки проросли.
Сладко пить дыханье
Дождевой земли.

М. Волошин.
Amorī amara sacrum¹

...Ночью нежданно-негаданно случилась сильная гроза. Ритмично вспыхивало в черном небе, озаряя белое дрожащее дерево с вывороченными корнями, после чего на секунду наступали тьма крошечная и устрашающая утробная тишина, и тут же земля содрогалась, как от оглушительного густого рыка рассерженного зверя. Тряслись дома, трещали стены, ходуном ходили тротуары. Разверзлись хляби, ливень стоял стеной, по улице бежали уже не ручьи, а речки. До самого утра работал дьявольский вечный двигатель, искрящая динамо-машина, готовая выжечь и испепелить все живое и неживое. Только потоки воды помешали случиться мировому пожару и апокалипсису.

А утром вылезло выморочное неуверенное солнце, осветив забросанные ветками улицы, намытые из недр земных песчаные дюны вдоль тротуаров, вспученный асфальт, поваленные деревья и заборы, выбитые окна и снесенные крыши. Тишина стояла густая, тяжелая, неправдоподобная. Ни ветерка, ни шелеста, ни движения. Тяжелый, как патока, воздух с трудом втягивался легкими и оседал внутри липким

¹ Amorī amara sacrum (*лат.*) – Святая горечь любви.

Без прощального письма

осадком. Страшноватая это была тишина. Замершая, при- таившаяся, и будто шепоток чудился: *«Пох-ходите, вот счас я вам! Вы ш-што, думаете, просвистело-пролетело-прогрохотало и — привет? Пережито-забыто и ш-шизнь продолжается? Э, нет, облом! Вот я для вас... кое-что! Прих-хотвила. Припас-сла. Ин-тересно, ш-што вы на это? А?»*

А может, это был лишь шорох шагов неведомого и фан- тазии беспокойного воображения...

Илона уснула под утро, когда природа перестала содро- гаться в конвульсиях и полыхать огнем через шторы. Не столько уснула, сколько забылась неверной дремой, изму- ченная морально и физически. А проснувшись, повела гла- зами, и оказалось, что Владика рядом нет. Вчера, до грозы, был, а сейчас уже не было. Илона кликнула его, предчув- ствывая недоброе. Поверить в недоброе ей всегда легче, чем наоборот. Характер такой.

Тишина была ей ответом. Владика не было. Унесло гро- зой. Смыло ливнем. Расщепило на атомы молнией. Илона вскочила и побежала на кухню. Мимоходом дернула дверь ванной. Пнула ногой дверь туалета — на всякий случай. Ни- где никого. Она вернулась в спальню, распахнула дверцы шкафа. Вещи Владика исчезли. Два костюма — ее подарок, рубашки, свитер, кожаная куртка. Даже галстуки. Все. Как и не было. Исчез также новый кожаный чемодан, безумно дорогой.

Она поняла. Ошеломленная, рухнула на кровать и зары- дала. Неглупая, образованная и, можно сказать, красивая, Илона затрепыхалась, как какая-нибудь неудачница, про- стецкая полуграмотная баба, не привыкшая сдерживать чувства. Боль, обида, страх, попранная любовь — все смеша- лось в гремячую ядовитую смесь, стучавшую в поисках выхо-

да в сердце, висках, затылке и печени. Кого не бросали, тот не поймет. Будь ты хоть трижды образованная, а все равно больно! И вой рвется из глотки, и обида страшная – чем она лучше? Та, которая? Вернее, к которой ушел любимый человек. Наверное, ушел, а то куда бы ему деться?

Илона рыдала, молотя кулаками подушку. Средство хорошее, но не всегда срабатывает. Но все же лучше, чем ничего. Подушка была Владикова и пахла его лосьоном. Легкий ненавязчивый благородный аромат настоящего мужчины. Сигарету в зубы, пиджак небрежно через плечо плюс фирменный прищур теплых карих глаз и морщинки в уголках губ – не какой-нибудь сопляк, а надежный и мужественный – и на плакат. Вместо сигареты можно травинку, главное, чтоб видны идеальные супербелые зубы. Капот отпадной тачки и волнующееся поле чего-нибудь злакового, голубая лагуна или вдали силуэты небоскребов. Реклама зубной пасты с отбеливающим эффектом. Или слабительного, после которого захочется жить и жевать с новыми силами. Красиво до умопомрачения. Гламур и глянец. Программа на всю жизнь: посадить дерево, найти мужчину, отбелить зубы и купить квартиру в центре. После чего гордо смотреть по сторонам – жизнь удалась! Можно еще перетянуть лицо, укоротить нос, переделать уши и вставить красивую нижнюю челюсть. Можно добавить силикон для выразительности форм. Программа максимум.

Удалась? Шиш! Не удалась. Владик – четвертый, который бросает. А сколько их еще будет? Или не будет вовсе?

Илона зарыдала с новыми силами. Ушел. Несмотря ни на что. На старания, суету, лесть, два подаренных костюма, завтраки в постель, как в иностранном кино. Говорил поначалу: не надо, не суетись, я не привык. Краснел и стеснялся.

А потом привык. Еще как привык! И капризничать начал: то кофе слабоват, то колбаса не та, то тост не поджарен до нужной кондиции. Пришел налегке, в джинсах и ветровке, а сам все забрал. Хапнул! Весь гардеробчик вынес. Номер три прихватил пару колец, неосторожно оставленных на трюмо, а ведь казался таким бессребреником – будто не от мира сего, все рассуждал о политике, морали и международных отношениях. Номер два не вернул ключи от дома – по вредности, и пришлось менять замок. Номер первый... номера первого выгнала она сама, когда пришел пьяный. Думала, в воспитательных целях. Пусть погуляет по ночному городу, проветрится, а он взял да ушел насовсем. Так рванул, что даже барахлишко оставил и потом не вернулся.

Приятельница Мона считает, что мужчин *повывелось*. Именно так – «их повывелось»: не сами они вывелись, а их повывели. Увы. Равно как и романтиков, поэтов, верных рыцарей, которых тоже повывелось. Не на ком взгляд останавливать. Избалованы, инфантильны, ленивы, паразиты и вообще деградировали. Хотели равенства, милые дамы? Гребите лопатой. Везите на себе. Что? Опять не так? Вам не угодишь, мои дорогие. Вообще-то она Мария, а прижилось Мона – так называл ее когда-то любимый человек, перебежавший к неромантической бабе старше себя, зато богатой.

Впрочем, Мона считает, что и женщин тоже *повывелось*. Настоящих – тех, которые за любимым человеком хоть на край света. Остались одни коровы, книг не читают, лежат перед телеящиком, смотрят сериалы и кушают салаты с майонезом. Не столько кушают, сколько жрут. И ходят с голыми животами. С голыми животами, раскормленными на майонезе, причем с колечком в пупе и в наушниках. Как сказал один сетевой остряк: вставила кольцо в пуп – стала

похожа на гранату. Во-во, ходячие гранаты с отсыревшим запалом, вскормленные майонезом. В смысле на вид гранаты, а на самом деле отсырели и давно забыли, какая она, настоящая женщина, – нежная, тонкая, романтическая. Способная на все.

Мона – последний романтик в городе или даже во Вселенной. Она до такой степени романтик, что время от времени пишет знаменитым артистам или певцам теплые письма и очень обижается, когда те не отвечают. К сожалению, и это тоже доказывает тезис «Романтиков повывелось!» Вымерли как мамонты. «Мне же ничего от них не надо, – говорит Мона дрожащим голосом, – неужели у них так много настоящих друзей? Я предлагаю дружбу, чистую, бескорыстную, романтическую, а они!» А в глазах ее незаслуженная обида, настоящая на несостоявшейся надежде.

Когда Мона так говорит, Илона переглядывается с Доротеей. Они считают, что подруга потеряла связь с реальностью. Мягко выражаясь. А если не мягко – Мона просто... Как бы это повежливее? Не вполне адекватная. Вот! Лет пятнадцать как выпала из реальности, и с тех блуждает неизвестно где. Хотя, казалось бы, сколько можно – возраст обязывает, уже не девочка. И если Мона заводит песню про мужчин-неромантиков и нерыцарей, Илона и Доротеея многозначительно переглядываются. Илона закатывает глаза, Доротеея тонко усмехается и заламывает бровь.

В чем-чем, а в этом они союзники! Потому что Мона, Илона, Доротеея – женский клуб «Одинокие сердца». Хотя все они очень разные.

Илона – человек дела: верит, ищет и надеется. А еще музейная крыса на небогатой зарплате, пропахшая нафталином, фигурально выражаясь. Между прочим, ведущий

специалист-краевед: заведует целым отделом с двумя подчиненными — внучкой директора музея Линой, вчерашней школьницей, мелкой девчушкой в наушниках и отсутствующим взглядом, взятой по блату на полставки, и пенсионеркой Агнией Филипповной, у которой всегда «давление». А три раза в неделю по вечерам подрабатывает на кафедре истории местного пединститута ассистентом. Понимай, лаборантом. Ну, там, разложить наглядные пособия, убрать в шкафах, распечатать планы семинаров и темы, внести коррективы в расписание занятий... и еще много чего в том же духе. Плюс репетиторство и контрольные. На жизнь очень даже хватает.

Доротея — спящая красавица: надеется и ждет. Тоже крыса, только архивная, пропахшая старыми газетами. Хотя и это для «красного словца». На самом деле от Доротеи за версту пахнет крепкими тяжелыми духами, за ней прямо шлейф аромата тянется и потом еще долго висит в воздухе. Доротеи давно нет, а шлейф все висит. Красавица не столько спящая, сколько сонная. А это, согласитесь, большая разница — хоть бровкой играет и с прекрасными вьющимися волосами. Тоже на копеечной зарплате, а потому хорошая портниха, обшивает себя сама — от «фирмы» не отличишь; имеет и постоянный круг клиенток с нестандартными формами.

Мона — девушка с претензиями: надеется, ждет и бурно выражает недовольство общим падением нравов, отсутствием романтиков, рыцарей и настоящих мужчин... Ну, читатель уже в курсе. Мона неустанно критикует знакомых женщин за «бабизм», а мужиков за неумение разглядеть настоящую женщину и подругу, но при этом живо интересуется всеми окружающими соседями-мужчинами. Даже слово «мужчина» она произносит с придыханием. Мона